

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'272

Т.А. Демешкина, В.Г. Наумов**ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

В статье дается обоснование необходимости разработки и внедрения лингвистического обеспечения законодательных актов, в частности Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Приводятся основные составляющие программы лингвистического обеспечения, предлагаются варианты комплексного анализа текста Закона и т.д.

Ключевые слова: лингвистическое обеспечение, экстремистская деятельность, законодательная база, толкование текста.

Современная практика функционирования законодательных документов государственного уровня предопределяет необходимость уточнения, переосмысления и комментария текстов юридических документов, а также обуславливает насущность решения лингвоюридических проблем, связанных с практическим применением законодательной базы.

Одним из способов разрешения сложившейся ситуации может стать разработка серии специальных, строго ориентированных и целенаправленных программ, общей задачей которых является лингвистическое обеспечение законов или других нормативных документов. Под лингвистическим обеспечением в данном случае понимается расширенное толкование текста законодательного документа с учетом всех его составляющих внешней и внутренней структуры. Это такие составляющие, как субъекты, объекты, терминосистема, правовая и обыденная составляющие, история и практика применения с точки зрения языковых параметров, лингвокультурологическое значение, дискурсивная характеристика, параметры жанро-речевой структуры и др.

Существующие юридические документы государственного уровня постоянно дополняются с помощью поправок и регулярно комментируются. Лингвистическое обеспечение призвано упорядочить, усовершенствовать, в чем-то упростить эти необходимые в законотворчестве процедуры. Кроме того, следует учитывать противоположную направленность лингвистического и юридического подходов к интерпретации текста, соответственно совмещение юридического и лингвистического аспектов анализа не всегда в полной мере удовлетворяет практические потребности, поскольку «лингвистика предполагает бесконечную глубину анализа, юриспруденция же требует жестко ограниченных оснований, необходимых для вынесения правовых решений» [1. С. 180],

Одним из законодательных документов, требующих первоочередного многоаспектного лингвистического осмысления, является Федеральный за-

кон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2].

Актуальность разработки и реализации программы «Лингвистическое обеспечение Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» обусловлена следующим.

1. Насущной проблемой является проблема толкования понятий «экстремизм», «экстремистская деятельность». Эти понятия по-разному определяются с позиций юриспруденции, лингвистики, обыденного восприятия и т.д., поэтому необходимо упорядочение представлений о соответствующих явлениях и называющих их языковых единицах, приведение в непротиворечивое соответствие обыденного, научного и практического (в рамках юриспруденции) понимания и толкования экстремизма. В частности, в действующем Законе термины «экстремизм» и «экстремистская деятельность» представлены как абсолютные синонимы, поэтому остается неясным, как, например, трактовать понятие «экстремистские взгляды», не отражающее собственно деятельность, хотя на практике именно такие взгляды описываются как деятельность со ссылкой на понятие «экстремизм».

2. Особое место должен занять анализ слов, способных актуализировать как терминологическую, так и нетерминологическую семантику и встречающихся в тексте Закона, в вопросах судебных инстанций, в текстах экспертиз с целью их собственно лингвистической характеристики. К особым задачам исследования относятся проблемы языковой формы призыва, однозначности – неоднозначности толкования лексем «факт», «событие», «мнение», «оценка», «оскорбление» и т.п.

3. Возросшая в последнее время потребность в лингвистических экспертизах, имеющих отношение к указанному Закону, обусловила необходимость разработки методики проведения подобных экспертиз, упорядочения формы составления экспертных заключений, формализации системы вопросов, адресованных экспертам, классификации (классификаций) экспертиз рассматриваемого типа. Принципиальные формально-смысловые отличия имеют, на наш взгляд, экспертизы, связанные с разжиганием межнациональной розни, с экстремистскими религиозными организациями и с анализом печатной, аудио- и видеопродукции экстремистского характера.

Так, например, следует определить место лингвистической части экспертизы в рамках комплексной экспертизы в листовках типа «Русский! Тебе не надоело делить свою страну с ними?». Надпись сопровождается карикатурой с символическим изображением такого порока, как употребление наркотиков. В тексте имеются слова *марихуана*, *героин*, изображен шприц с надписью «героин», а также лица-символы восточного, кавказского, негритянского происхождения, прикрывающиеся, как щитом, российским паспортом. Присутствует персонаж с повязкой на руке с изображением звезды Давида – символа Израиля, сионизма, еврейства в целом.

В данной печатной продукции формируется образ «инородцев», которые насаждают в России наркоманию, и этот образ направлен на возбуждение чувства вражды и ненависти к представителям соответствующих национальностей.

В рамках установления принципов процедуры лингвистических экспертиз следует уделить особое внимание изучению моделей, способов, приемов, средств формирования негативного образа представителя иной национальной, расовой, социальной, религиозной принадлежности, поскольку на базе такого образа строится унижение, возбуждение розни, пропаганда исключительности или неполноценности – все то, что составляет параметры экстремистской деятельности.

В качестве примера рассмотрим фрагмент текста одного из постов в сети Интернет. *«А те люди, которые «понаехали» в Россию, – приехали из оккупированных Москвой земель. До недавнего времени или до сих пор. Когда русские говорят «придуришные даги понехали», перед моими глазами встают картины, как русские карательные отряды заполняют Дагестан. Русские решали, кто достоин жить из «дагов», а кто нет. Знает человек Коран и шариатские науки – закопать. Тысячи, десятки тысяч убитых, сгноенных в тюрьмах... Если подонки вдруг начинали испытывать трудности – русские помогали своей «милиции» и «народному ополчению», против “головорезов-повстанцев”».*

В данном фрагменте негативный образ русских создается:

– за счет утверждения о том, что Москва оккупировала некие территории. Имеются в виду, судя по всему тексту, территории среднеазиатских и кавказских республик, включая входившие в состав СССР, из которых в Москву приезжают люди («приехали из оккупированных Москвой земель» – негативная семантика слова «оккупированный», «Москва» как символ русских, о чем свидетельствует весь текст поста и что подтверждают комментарии);

– за счет утверждения о том, что «русские карательные отряды заполняют Дагестан» (негативная семантика слова «карательный» в сочетании с глаголом «заполняют»);

– за счет утверждения о том, что «русские решали, кто достоин жить», в отношении дагестанцев («дагов»), т.е. принимали решение о лишении жизни представителей другого этноса;

– за счет утверждения о том, что русские принимали решение убить («закопать»), если «знает человек Коран и шариатские науки» (скрытое противопоставление мусульман и христиан (в данном контексте – русских) с прямым утверждением о том, что причиной лишения жизни была принадлежность человека к мусульманской религии);

– за счет утверждения о том, что в результате таких решений появились «тысячи, десятки тысяч убитых, сгноенных в тюрьмах», поскольку данное предложение следует непосредственно за текстом, содержащим информацию о наказании в виде лишения жизни за принадлежность к мусульманству, а причастия «убитый», «сгноенный» передают грамматические признаки соответствующих глаголов, позволяющие сделать вывод о факте или событии, а именно: русские убили и сгноили в тюрьмах десятки тысяч людей за их приверженность мусульманской религии;

– за счет утверждения о том, что русские помогали своим ставленникам («своей «милиции» и «народному ополчению»), которые в посте характеризуются как «подонки», т.е. осуществляли деятельность, негативно воспринимаемую в обществе.

4. Представляется чрезвычайно важным профессиональный лингвистический анализ заключений комиссий, решений судов в связи с делами, касающимися действия данного Закона, с последующими рекомендациями в адрес соответствующих органов правосудия по упорядочению лингвистической составляющей текстов решений, постановлений и т.д. Не секрет, что некоторые подобные документы неадекватно воспринимаются общественным мнением, в том числе мнением, выраженным в средствах массовой информации, из-за непродуманной, иногда двусмысленной формы подачи решения. Деятельность по оптимизации лингвистической составляющей судебных решений способна положительно повлиять на работу СМИ в области освещения принятых решений, что будет способствовать консолидации общества в целом.

5. Важная роль отводится лингвистическому анализу самого текста Закона с целью выработки возможных рекомендаций по улучшению и уточнению этого текста. Отдавая себе отчет в том, что с данным текстом, как и с подобными, работали соответствующие специалисты высокого профессионального уровня, не следует забывать, что повседневная практика применения законодательного документа в любой момент способна внести коррективы, требующие соответствующих изменений текста документа, о чем свидетельствует практика внесения поправок в законодательные документы. Думается, что введение системы соответствующего мониторинга способствовало бы более эффективному принятию решений в рамках анализируемого Закона.

В частности, необходимо обратить внимание на следующие положения Закона.

В ст. 1, посвященной характеристике основных понятий, экстремистская деятельность определяется как *«насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации»*. Остается неясным, «насильственное» относится только к «изменению» или может относиться и к «нарушению»? В таком определении под «нарушением целостности Российской Федерации» (т.е. под фактом экстремистской деятельности) может пониматься любой возможный законодательный акт, связанный с предоставлением нации права на самоопределение, например по результатам соответствующего референдума. С точки зрения логического построения текста, законов лексической и синтаксической валентности, семантики союза «и» возможна трактовка данного текста, предполагающая *«насильственное нарушение целостности»* как факт экстремизма. Но такая трактовка не заменяет первую, а оказывается лишь возможным вариантом. Таким образом, данный пункт статьи Закона требует переработки с целью достижения коммуникативной точности, выражающейся в достижении необходимой однозначности трактовок положений Закона.

В приведенной формулировке требует уточнения и понятие, выраженное лексемой «насильственное». Словарное толкование *«осуществляемый путем насилия, принуждения»* [3] оказывается слишком широким и недостаточным для правовой сферы. В данном случае необходима юридизация этого понятия с соответствующей дефиницией юридического термина «насильственный».

В следующем разделе Закона под экстремизмом понимается *«публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность»*.

В приведенном толковании нарушены логические связи и, соответственно, отсутствует такое коммуникативное качество, как логичность речи. Построение текста, во второй части которого содержится фрагмент «и иная террористическая деятельность», предполагает, что в первой части назван другой вид террористической деятельности, а именно «*публичное оправдание терроризма*». Таким образом, утверждается, что оправдание терроризма есть террористическая деятельность (терроризм), что логически неприемлемо.

Кроме того, в анализируемой части Закона был бы вполне уместен список видов террористической деятельности, а также юридическое толкование собственно террористической деятельности.

Формулировка экстремизма как «*пропаганды и публичного демонстрационного нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения*» также предполагает множество интерпретаций.

Во-первых, данный текст, исходя из семантики союза «и», предполагает обязательное наличие двух компонентов во фрагменте «пропаганда и публичное демонстрационное» для того, чтобы вынести решение о наличии в указанных действиях признаков экстремизма. Однако суть этого раздела предполагает запрет как пропаганды, так и публичного демонстрационного нацистской или приравняваемой к ней символики и атрибутики. Видимо, юридизации требуют и понятия, выраженные словами и словосочетаниями «публичное демонстрационное», «пропаганда», с целью их разграничения или сближения.

Во-вторых, словосочетание «до степени смешения» предполагает уточнение процедуры установления идентичности или различия разного рода знаков. Такая процедура отражена в законодательных документах, посвященных, в частности, товарным знакам и подобным им единицам. В тексте рассматриваемого Закона необходимы соответствующие ссылки или краткое описание самой процедуры, направленной на установление фонетической, графической, семантической и иной идентичности.

Как и при трактовке схожих положений других законодательных документов, продолжает оставаться сложным и трудно доказуемым понятие «заведомо ложный» в части трактовки компонента «заведомо». В рассматриваемом документе оно встречается в формулировке «*публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением*». Статья Закона, заранее предполагающая практическую невозможность ее исполнения, вряд ли способствует эффективности соблюдения Закона в целом.

Нарушение качества логичности речи видится в следующих фрагментах текста Закона. С одной стороны, в ст. 1 Закона утверждается, что экстремизм – это «*организация и подготовка указанных деяний*». С другой стороны, в ст. 6 сказано: «*При наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о готовящихся противоправных действиях, содержащих признаки экстремистской деятельности, и при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности Генеральный прокурор Россий-*

ской Федерации или его заместитель либо подчиненный ему соответствующий прокурор или его заместитель направляет руководителю общественно-го или религиозного объединения либо руководителю иной организации, а также другим соответствующим лицам предостережение в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований объявления предостережения». В данном случае нелогичным представляется текст ст. 6, в котором в том числе говорится о *готовящемся* противоправном действии «подготовка» (экстремизм в соответствии со ст. 1) с конечным смыслом «*готовящаяся подготовка*».

В характеристике экстремистских материалов необходимо уточнить, что понимается под словом «документ» в контексте «*документы либо информация на иных носителях*», если не указаны носители документов.

В этом же разделе в качестве однородных членов предложения используются прилагательные «*этнический*» и «*национальный*» в контексте «...*направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы*». В разд. 1 ст. 1, посвященном характеристике экстремизма, слово «этнический» отсутствует. Возникает вопрос о характере взаимодействия указанных единиц, что предполагает уточнение соответствующих понятий через их выражение в языке с последующей юридикацией.

В этом же разделе вызывает сомнение полнота трактовки «...*публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство...*» в той части, где говорится о национальном превосходстве. Такая формулировка при расплывчатом толковании слова «национальный» позволяет рассматривать в качестве экстремистских многочисленные публикации, например, советского периода существования нашего государства, когда преимущества социалистического образа жизни доказывались путем сопоставления не просто с особенностями жизни в капиталистическом обществе, но и с национальными особенностями конкретных представителей Запада. Сравни также: «...*мы впереди планеты всей*» – указание на превосходство с предшествующим его обоснованием.

Кроме того, под действие Закона в нынешней интерпретации попадают некоторые художественные тексты, ставшие классикой русской и зарубежной литературы. Речь идет о произведениях, в которых встречаются фразы типа «*Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал...*» (М.Ю. Лермонтов). Сюда же относятся высказывания А.И. Куприна и Ф.М. Достоевского о евреях, Л.Н. Толстого о Русской православной церкви и многое другое. Произведения о Великой Отечественной войне, в которых нередко говорится о моральном, физическом превосходстве русских не только над «фашистами», «нацистами», «эсэсовцами», но и над «немцами», также могут быть квалифицированы соответствующим образом. В качестве современного текста приведем «Сатанинские стихи» С. Рушди.

Думается, необходим дополнительный лингвистический анализ текстов, внесенных по названным признакам в Федеральный список экстремистской литературы. С одной стороны, это поможет снять некоторые вопросы по поводу оснований решений судов, с другой – более четко провести грань между

использованием соответствующей лексики как нарушения Закона и использованием той же лексики в художественных целях.

Помимо понятий «этнический» и «национальный», требуют уточнения в разделах Закона понятия «социальная, расовая, национальная, религиозная, языковая принадлежность»; «рознь», «ненависть», «вражда», «исключительность», «превосходство», «неполноценность»; «призыв», «подстрекательство» и т.д. В частности, в практике применения данного Закона до сих пор нет однозначной трактовки понятия «социальная группа», «принадлежность». К социальным объединениям относятся профессиональные по сути образования – органы власти, органы правопорядка (правительство, милиция (полиция) и т.п.).

Необходимо полноценное научное описание терминологической системы, применяемой в рамках данного Федерального закона, и представление ее в виде лексикографических изданий, справочников различного типа.

До сих пор лингвистические (по нормативным словарям литературного языка) и юридические толкования некоторых слов и понятий имеют существенные расхождения. Так, например, требует дополнительного лингвистического исследования текст комментариев «Бхагавад-гита»: *«Человек, ищущий изъяны в характере Кришны, не зная Его, – просто глупец»* [3. С. 417], где «глупец» – это неразумный, т.е. неполноценный человек. Возникает вопрос: достаточно ли здесь оснований для применения Закона в формулировке *«пропаганда... неполноценности человека по признаку его... религиозной... принадлежности или отношения к религии»* [2. Ст. 1] как разновидности экстремизма.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» – это один из важнейших законодательных документов, регулирующих жизнь современного общества, поэтому его текст должен быть максимально приближен к каждому гражданину, максимально понятен представителям разных кругов современного общества. Естественно, речь идет лишь о стремлении к идеальному восприятию, однако некоторые положения Закона вполне могут быть уточнены с целью прояснения идеи авторов. Так, в ст. 17 говорится: *«На территории Российской Федерации запрещается деятельность общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций иностранных государств и их структурных подразделений, деятельность которых признана экстремистской в соответствии с международно-правовыми актами и федеральным законодательством»*. В тексте названы некоммерческие организации, из чего следует, что коммерческие организации могут заниматься экстремистской деятельностью, что явно противоречит духу Закона, либо в слово «некоммерческий» вкладывается другое значение, не являющееся общеупотребительным.

6. В соответствии со ст. 17 Закона («Международное сотрудничество в области борьбы с экстремизмом») оказывается актуальным сопоставительный лингвистический анализ текстов Законов, действующих в других, наиболее важных в этом плане государственных образованиях. Это поможет уточнить и упорядочить элементы терминосистем и тексты законодательных документов. Речь идет о сопоставительных исследованиях с привлечением раз-

ных групп языков: романских, германских, славянских, тюркских, иранских, кавказских, балтийских и др.

7. Собственно языковедческий интерес представляют историко-лингвистические, этимологические исследования юридической терминологии, истории функционирования терминов и понятий, ими выражаемых. Результаты исследования будут способствовать созданию дополнительной лингвокультурологической (и шире – культурологической) базы данного Закона. Без такой базы, без такого важного в плане общечеловеческих ценностей культурологического основания Федеральный закон, регулирующий в том числе и интеллектуальную сферу жизни человека (противодействие должно быть осознанным), не может идеально выполнять свои функции.

8. В качестве частных тем, требующих собственно лингвистического осмысления, можно назвать следующие: «Экстремизм в лингвоперсоналогическом аспекте», «Лексика и фразеология экстремистских текстов», «Речевые жанры экстремистских выступлений», «Концептосфера экстремизма», «Дискурсивные характеристики экстремистского текста», «Лексикографическая специфика экстремистской деятельности», «Автоматизация определения экстремистской направленности текста» и т.д. Последняя тема предполагает важнейшее практическое применение при ограничении доступа к экстремистским материалам и обеспечении свободы пользования неэкстремистской информацией в сети Интернет.

Подводя итог, отметим, что реализация программы лингвистического обеспечения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» должна способствовать сохранению стабильности и национальной безопасности в процессе модернизации экономики и общества.

Литература

1. Голев Н.Д., Матвеева О.Н. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрлингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 168–185.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля. № 138–139.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Мир и образование», 2004. 896 с.
4. *Бхагавад-гита* как она есть / А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада; пер. с англ. 3-е изд. М.: The Bhaktivedanta Book Trust, 2007. 816 с.